

Слово Протоиерея Валериана Кречетова в Неделю 7-ю по Пасхе, память отцев 1-го Вселенского собора

Всё ли равно, как верить?

Ин., 56 зач., XVII, 1-13

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

Сегодня, в воскресный день, святые отцы установили праздновать память Первого Вселенского Собора. Евангелие, которое мы слышали сегодня, читается всегда, когда совершается память святых отцов Вселенских Соборов.

Что это за установление такое — Вселенский Собор?

Это установление связано с истинной верой.

Очень часто в обыденной жизни слышны такие выражения: «Главное — веровать в Бога. А как веровать — это каждый по-своему». Это явление предсказал еще святитель Феофан Затворник: это безразличие к истине веры, эта самость, выросшая на гордыне, самомнении, своем я, породит то, что чем дальше, тем больше будет вот таких верований. И сначала среди верующих появилось разделение небольшое, потом — больше и больше, а под конец, как предсказал святитель Феофан, будет «что ни голова, то своя вера».

И вот то, что истины веры — это самое важное, самое главное, святые отцы засвидетельствовали тем, что они собирались со всей Вселенной, со всех церквей, где проповедовано было Евангелие, и утверждали истины веры. То есть, как нужно веровать и как понимать существо Божие.

В сущности, эта истина, если здраво посмотреть на нее, должна быть понятна каждому, когда дело касается самого человека. Мы ведь всегда недовольны, когда о нас говорят неправду. «Это ложь, я же не такой!» И в обычной жизни это явление распространено. Существуют, как говорят, исторические личности, известные лица, или какие-то правители, или общественные деятели, представители науки, искусства, или военачальники. И вот о них пишутся книги, издаются мемуары, в которых одни говорят, что они были такими, другие — что они были другими. Каждому хочется знать историческую истину: что же это был за человек на самом деле, что он из себя представлял, что это была за личность. Эти вопросы в истории, в литературе, везде постоянно присутствуют, и их стараются разрешить. Понять, каким же был, допустим, царь Иван Грозный или император Павел I. Было время, одного

представляли только палачом, другого — ненормальным каким-то, чуть ли не недоразвитым. Ну, а уж как представляли наших последних царей, мы знаем. Но проходят годы, и выясняется, что многие из них были святые и то, что писали о них раньше — ложь.

Одним словом, нам хочется знать истину о каждом человеке. И о себе самих, мы считаем, должно быть мнение правильное.

Хотя, что касается нас, то это вопрос сложный, потому что нам хочется, чтобы о нас говорили хорошо. Мы, правда, к несчастью, не всегда бываем такими, но нам хочется выглядеть хорошими. И тут можно сказать: да, нам хочется, чтоб о нас была правда, но так, как нам хочется.

Эта неистинность в нас происходит оттого, что, как сказал пророк Давид, *всяк человек лож* (Пс. СХV, 2). Мы — грешные, и нам не хочется, чтобы о наших грехах знали, чтобы говорили о нас, какие мы есть. Больше того, даже на исповеди трудно сказать самому, какой ты есть. Тут и лукавство крутится, и самооправдание. Поэтому человек, когда он говорит о себе, то он, как говорят, «далеко не объективен». У нас есть такое выражение: «объективное мнение». «Объективного мнения» у людей грешных быть не может. Оно всегда субъективно, потому что они смотрят со своей колокольни. И сказать истину даже о себе, в общем-то, никто не может, потому что, большей частью, он сам неистинен, не знает и самого себя.

Не в смысле обличения, а в качестве примера возьмем евангельский пример — как говорят, классический. Апостол Петр. Ревностный был, и, действительно, любил Спасителя. И сказал: *Аще и вси соблазняются о Тебе, аз никогдаже соблажнюся*. А Господь сказал: *Аминь глаголю тебе, яко в сию ночь, прежде даже алектор не возгласит, трикраты отвержешися Мене* (Мф. XXVI, 33-34). И все это произошло. Так как сказать: прав был Петр или не прав?

И прав, и не прав. Прав, потому что он, действительно, высказал то, чего искренне хотел. Как потом эту верность он и засвидетельствовал своей мученической смертью. А неправ был потому, что не мог сам, как человек, оценить свои силы и меру вражьего нападения. Поэтому так и случилось — то, что с ним произошло.

Так вот, когда вопрос касается земной жизни людей, то он важен. Потому что мы, действительно, по крайней мере стараемся приблизиться к тому, что есть.

Вопрос же, касающийся Бога, в высшей степени важен.

Поэтому истинная вера как раз и является самым главным, к чему человек должен стремиться.

Сам Господь сказал: *Се же есть живот вечный, да знают Тебе единого истинного Бога, и егоже послал еси, Иисус Христа* (Ин. XVII, 3).

Единого истинного Бога. И поэтому те слова, которые мы слышим: Бог един, и поэтому все веры, мол, имеют равное право, — противоречат истине. Нет. Этого не может быть. Единственное высшее право имеет только истинная вера. Поэтому именно истинная вера должна быть в основе и понимания Божества, и понимания жизни.

Откуда же это множество верований? А очень просто. Они возникают тогда, когда люди стремятся не к истинной вере, а к своему я, к утверждению своего понимания этих вопросов. То есть к тому, о чем сказал святитель Феофан: «что ни голова, то своя вера». «Я понимаю Бога вот так — и всё».

Более того, даже Евангелие, то есть то, что записано, слова Спасителя, и то люди толкуют по-своему. Откуда и множество конфессий.

Но истинная вера остается все равно. Она должна быть на первом месте. И поэтому Вселенские Соборы собирались и излагали эти основы истинной веры. И истина эта принималась не большинством, как иногда говорят, а всеми без исключения, то есть полнотой всех присутствующих. Если кто-то не был согласен, то он не входил в число тех святителей, которые подписывались под деяниями Собора, и уже был вне истинной Церкви. Только когда было полное единодушие, полнота принятия, тогда считалось, что человек является членом Церкви и исповедует истинную веру.

В сегодняшнем Евангелии Господь сказал: *Да будут едино, якоже и Мы.* То есть, только при полном единении и принималась истинная вера.

Здесь в основе лежит прежде всего свидетельство от Бога. Потому что люди принимали догматы веры на основании Священного Писания и на основе свидетельств свыше от благодати Святаго Духа. Благодать свидетельствовала, что она присутствует и утверждает тот догмат, который был принят на Вселенском Соборе. В частности, когда на Первом Вселенском Соборе принимался догмат о единосущии Иисуса Христа, Сына Божия, с Отцом, тогда спросили: «Ну как это понять?» Всё, что касается Божества, до конца непостижимо. В какой-то мере в соответствующем духовном возвышенном состоянии святые отцы могли Его постигать, но в полноте Бог непостижим. Поэтому догматы веры утверждаются Духом Святым и святыми отцами, в которых Дух Святой действует.

Решения Вселенских Соборов начинались так: *Изволися Духу Святому и нам*. И далее шло изложение деяний Вселенского Собора.

И это соизволение Духа Святаго на Первом Вселенском Соборе засвидетельствовал протест, святитель Спиридон Тримифунтский. Когда его спросили, как это может быть: Иисус Христос — Богочеловек, единосущный Отцу? — он взял плинфу, то есть кирпич, и сжал ее. И из нее потекла вода и одновременно вспыхнул огонь. Хотя вода и огонь в жизни несовместимы, водой гасят огонь. То есть, это свидетельство чудесное. На последующих Вселенских Соборах, где был принят догмат о ипостаси Сына Божия, Иисуса Христа, записано: «Божество и Человечество соединено во Иисусе Христе неслитно, неизменно, неразлучно и нераздельно». То есть, оно остается Божеством-Человечеством, не изменяясь, и не слилось, не смешалось, но — неразделимо, неразлучно. И об этом догмате святитель Иоанн Златоуст говорит: «Что это так, я верую. Но как это, постигнуть не могу».

Да и что говорить, если взять человеческий разум, то даже в самом творении, не говоря уже о Творце, есть вопросы, на которые человек не может ответить. Если мы задумаемся над тем, из чего мы сами состоим, то мы должны мысленно представить себе, что каждый мельчайший элемент нашего видимого существа из чего-то состоит, а тот, в свою очередь — тоже из чего-то, и это — бесконечное дробление. Что же является первоосновой, какая-то частичка? А она тогда из чего состоит? Углубляясь дальше и дальше в микромир, мы все равно не можем постигнуть, из чего все состоит. Поля, говорят. А что такое поля? Если мы станем углубляться мысленно в пространство, все дальше, дальше и дальше — а там что? А за тем, что мы достигаем, что дальше? Где конец в пространстве?

Если и в видимом мире мы не можем постигнуть некоторые вещи, даже просто представить их себе, то что мы можем говорить о существе Бога? Невидим, непостижим.

И вот на праздник Святой Троицы, в колено-преклонных молитвах Святой Троице говорится: *Невидиме, Непостижиме, Незследованне, Неизменне* — называются все эти свойства Божества. Поэтому засвидетельствовать истину может только Сам Господь и тот, кому Господь открывает.

Свидетельства Вселенских Соборов, как я уже сказал, так и записывались: *Изволися Духу Святому и нам*. Господь свидетельствовал, свидетельствовали и рабы Божии, которые всё это от Духа Святаго восприняли и изрекли.

Так что истины веры, истинная вера очень важны. Небрежное отношение к этому вопросу — просто недостаток ума и рассуждения. Ибо когда дело касается

каких-нибудь обыденных вещей, то мы как-то рассуждаем, а когда доходит до Бога — куда-то весь ум девался.

Взять, например, людей, которое говорят: «Идите к нам». И к ним идут, потому что там все просто, никаких усилий. Когда же приходят в православные храмы, в храмы истинного Бога, то всё благолепие храма, вся его красота, архитектура, иконы, все изображения — все это свидетельствует именно истинную веру. Потому, что Господь сотворил мир прекрасным, вся эта красота и отражается в доме Божием, храме Божием. И когда говорят, что «это все не важно, не нужно, а главное — в душе», то это — отвержение сущности Божества, потому что Бог всё сотворил не только премудро, но и прекрасно, *добро зело*. Тут не только целесообразность, но и красота.

Извините, и в обычной жизни, когда мы общаемся, особенно когда дело идет о симпатиях, я уж не говорю о семейной жизни, нам мало, чтобы были голова, руки и ноги. Голова должна быть соответствующего вида. То есть, оказывается, понятие красоты нам не чуждо, когда этот вопрос касается или нас самих, или тех, на кого мы обращаем внимание. И неважно, что у него просто есть и туловище, и руки, и ноги — мы смотрим, как они выглядят. Более того, искусство только тем и занимается, чтобы все это изобразить и показать. И вокруг этого столько всего крутится. Неважно, что все устроено целесообразно: пять пальцев есть, и нос есть, и уши. Какой нос? Оказывается, это совсем не все равно. Так что не надо лгать. Не надо обманывать себя и других и говорить: «А, не все ли равно!» Оказывается, далеко не все равно.

Когда, например, приходит время поста, можно услышать: «Не все ли равно, что есть?» Ну, раз все равно, ну что ж ты тогда волнуешься? Ешь, что попало. Оказывается, не все равно. Не лги, когда ты задаешь этот вопрос.

Не лги, когда ты говоришь: «Не все ли равно, как верить?» Тебе далеко не все равно, как ты выглядишь и какого люди о тебе мнения. Почему ты думаешь, что о Боге можно что попало говорить и как попало к Нему относиться? Нет, совсем не так.

Все это как раз — свидетельства истины. Если так здесь, то так — и во всем. А то, когда касается вопрос церкви, то: «Зачем это все делать, украшать?» Когда же касается своего жилища, то мы смотрим, какие обои, какой оттенок, и на все прочее. А уж одежда-то! Пожалуй, одинаковой одежды уже почти и не найдешь, всё каждый чего-то особенного хочет. А когда касается веры — тут все равно, как попало можно. Зачем же, когда вопрос касается самого человека, мы так внимательны ко всем этим вещам, а когда касается Божества — то там как попало?

Нет. Истинная вера — это самое главное. Как сказал один из наших мыслителей, Иван Васильевич Киреевский, «человек — это его вера».

Если мы веруем в Бога, если говорим, что Бог есть любовь, то прежде всего должны исповедовать Святую Троицу. Потому что любовь всегда проявляется в чем-то, в каком-то делании. Любовь — это согласие и полное единение всех Лиц Святой Троицы. Вы знаете наш классический образ рублевской Троицы. Если созерцать этот образ, то мы увидим, что все Лица Святой Троицы находятся в полном согласии и единении. И Каждый прислушивается к Другому, и Каждый внимает, и Каждый проявляет это согласие даже Своим видом.

Так вот, это единение — как раз первообраз того, к чему должны стремиться все творения. И всевозможные учения о борьбе видов — это всё следствия грехопадения человеческого, в начале не было так. Если все было *добро зело*, то все было и полезно, и всё — во славу Божию. Когда же человек, нарушив заповедь Божию, согрешил, то Господь сказал: *Терния и волчцы возрастит тебе земля* (Быт. III, 18). Вот когда началось противление. Как воспротивился человек Богу, так же и вся природа стала противиться — и внутри себя, и человеку. Первый человек нарушил заповедь — кстати, эта первая заповедь была заповедью поста: всё ешь, а вот с этого дерева не ешь. Это был самый легкий пост: только от одного дерева среди рая не вкушать. Человек нарушил эту заповедь, и теперь чем дальше, тем больше убеждается, что, наверное, в конце существования человечества, по тому самому измышлению, каждому можно будет вкушать индивидуально только от одного дерева, а от всех других нельзя: от этого — аллергия, от того — диатез, от этого — еще что-то. И пришли к тому, что, нарушив сначала одну заповедь, потом стали пожинать последствия этого со всех сторон. Именно это и является в нашей православной вере воспитательным моментом, возвращающим нас к первоначальному состоянию: послушание, исполнение заповедей, воздержание. *Сей род ничимже может изыти, токмо молитвою и постом* (Мк. IX, 29). То есть, молитва, пост, воздержание и являются теми средствами, которые нас возвращают в первозданное состояние.

Святые отцы на Вселенских Соборах как раз и были такими подвижниками, которые возвращались, насколько это возможно, каждый, к первозданному состоянию. И Господь открывал им *безвестная и тайная премудрости Своя* (Пс. L, 8). И эти премудрости они изрекали на Вселенских Соборах. Мы по вере воспринимаем то, что Господь им открыл, и этому веруем и исповедуем в Символе веры. Поэтому Символ веры есть необходимое условие истинной веры — должно быть ясно изложено, во что человек верует. И это очень важно. Поэтому, когда говорят: не все ли равно? — нет, выходит, не все равно.

Да, когда принимаешь эту истину, то приходится и что-то делать, трудиться над собою. Вот от этого люди и убегают, не хочется трудиться. И поэтому совсем не возвышенные мотивы у этого множества верований, а довольно примитивные. Там — не нужно поститься, там — не нужно стоять, а можно сидеть, опять удобно, там еще чего-то делать не нужно. Одним словом, чем больше «не нужно» и чем больше «можно», тем скорее люди и принимают эти верования, изобретаемые падшими духами. Сказано: *Царствие Небесное нудится и нуждницы восхищают е* (Мф. XI, 12). То есть, нужен труд. В нашей православной вере этот труд всегда присутствовал, и прежде всего труд над своей душой, потому здесь и является самый главный подвиг.

Будем стараться трудиться над своей душой. Будем стараться хранить чистоту веры православной и не уклоняться ни в какие еретические соблазны. Все, что не в Православной Церкви, нам должно быть чуждо. Да, где-то есть что-то, что приближается или стремится к этому, но вся полнота веры — наша православная.

А когда говорят: «Главное — то, а это — не главное»... Да, главное, пожалуй — голова и туловище. Ну, руки — не главное, без руки, даже без двух, люди живут. Без ног тоже живут. И без пальца, бывает, живут. Но добровольно, по моему, никто не хочет, чтобы у него отрезали руки и ноги. Поэтому самим отказываться: то не нужно, это не нужно — нет, я думаю, нормальный человек этого не будет делать.

И когда говорят: «И так люди живут, и так» — да, живут. Но нет полноты жизни. А полнота жизни — в принятии полноты православной веры. Православная вера дает полноту жизни, а все остальные этого себя лишают.

Пост, строгость воздержания... Сам себя никогда не заставишь, а с помощью Божией и все вместе можем попоститься. На самом деле, если не постился, то если разговляться — какая радость? А у нас эта радость есть, общая радость, и тогда уж, действительно, праздник. Когда постоишь в церкви да придешь — оценишь, что и сесть-то можно. А уж если лечь — и подавно хорошо. И уже начинаешь всё ценить. Я уже не говорю о многих других радостях.

Поэтому будем благодарить Бога, что Господь святыми отцами открыл, установил и дал нам полноту истинной веры. И будем стремиться к этой полноте. А что не сможем — ну, грешны, прости, Господи. А тем, кто этого не имеет — помоги им, Господи, и исцели. Аминь.

27 мая 2001 г.

Проповедь священномученика Никодима (Кроткова), архиепископа Кострамского и Галичского (+1938г.) в Неделю 7-ю по Пасхе.

Сегодня вспоминаются отцы первого Вселенского Собора, бывшего в городе Никее в 325 году по Рождестве Христовом; он был созван по распоряжению императора Константина, равноапостольного и великого.

До святого царя Константина в Греко-Римской империи проповедь христианства была запрещена, христианство было гонимо; а святой Константин, сам крестившись, разрешил и всем подданным своим креститься, чтобы христианство распространялось среди язычников и иудеев.

Но после недолгого мира из недр Церкви явился враг, хотевший поколебать ее, извратить учение о Богочеловеке. Это священник Александрийской церкви Арий, учивший, что Господь Христос не Единородный Сын Божий, прежде всех веков рожденный от Отца, а Божие творение; что было время, когда не было Его. Все христиане возмутились. И вот царь Константин, по совету приближенных епископов, решил собрать собор, чтобы осудить богопротивное учение Ария. Среди собравшихся 318 отцов Церкви были замечательнейшие по своей святой жизни Николай Мирликийский, Спиридон Тримифунтский, Афанасий Александрийский, Иаков Низибийский.

Святые отцы прежде всего совершили молитву и потом в храме Божиим приступили к обсуждению учения Ария; осудили его и изложили в Символе веры православное учение веры — в словах "рожденна, не сотворенна". Арий же, не подчинившийся Собору, был от Церкви отлучен. Вот этих отцов прославляем ныне за верность слову Божию и Преданию. Пусть пример их послужит уроком и для нас с вами, братья и сестры.

Настоящее время — время отрицания и неверия. Говорят, что мир, вселенная и человек явились без Бога, благодаря слепым силам природы, и вся жизнь этими силами совершается; что теперь свободно надо жить, не подчиняясь никому и ничему; что не будет ни Божия суда, ни жизни будущего века; при этом свое учение стараются навязать и другим.

Вспоминая ревность святых отцов, мы должны держаться того же откровенного учения Божия, находящегося в Священном Писании и Предании,

которое нам передали святые апостолы и пророки не от себя, а от Святого Духа, где о Боге и о жизни изложено все так же ясно, определенно, решительно, утешительно. Поэтому безбожным проповедникам скажем, что не по силам природы все течет, а по воле Бога — Творца неба и земли и всего, что есть в них. Да и разум не может допустить, чтобы создан был природой человек, венец творения, его духовная природа, разумная, свободная.

Отрицающим суд Божий скажем, что, как слово Божие гласит, будет суд и воздаяние праведным и грешным. Отрицающим власти скажем, что власти от Бога, и противящиеся власти Божию повелению противятся.

Говорящим, что человек должен быть свободным в своих естественных потребностях, возразим, что свободен человек был только в раю, а вне его от разнузданности страстей и чувств люди уподобляются скотам несмысленным; напомним им слова апостола Павла, что ни блудники, ни пьяницы, ни воры, ни им подобные Царства Божия не наследят.

Всем им противопоставим Божие учение и самую жизнь, Священное Предание, которое отрицается как лишнее, как, например, о соблюдении праздников, постов, посещений церкви и др., между тем как оно обязательно для христианина как восполняющее то учение Господа и апостолов Его, которое в слове Божиим не заключается. Сам Господь соблюдал праздники; апостолы усиливали в праздничные дни молитву свою и проповедь; необходимость и характер поста также ими указаны и установлены с достаточной основательностью. Святая Церковь устанавливала то, чего нет в Писании, по учению Господа Христа.

Послушаем, как мать, свою святую Церковь, ибо, как сказал один святой отец, кому она не мать, тому Бог не отец. Если же не признаем церковного учения, то отвергнем и Божественное. Если будем, подобно святым отцам, ревностными в вере, то ничто не сможет нас поколебать.

22 мая 1911 года

**Беседа Святителя Филарета (Дроздова), Митрополита Московского
и Коломенского (+1867г.) в неделю седьмую по Пасхе,
по освящении храма Воскресения Христова,
в Покровском Хотькове монастыре**

По вознесении Господа нашего Иисуса Христа на небо, первым делом, первенствующаго между Апостолами, Петра было дополнить дванадцатое число Апостолов, из котораго, как они скромно выразились, *испаде Иуда ити в место свое* (Деян. I. 25). Святый Петр предложил о сем собранию церковному, в котором находилось около ста двадцати мужей. Собрание наименовало двух достойных, и из них, по молитве, посредством жребия, решительно избран Матфий, *и причтен бысть ко единонадесяти Апостолом* (26).

Вероятно, для сего священнаго действия святым Петром избран был и день священный, — день, который в Книге деяний Апостольских, по иудейскому счислению времени, называется *единою от суббот*, то-есть, первым днем недели, и в который, как праздничный, *собирались* христиане *преломити хлеб* (Деян. XX. 7), то-есть, совершать таинство причащения Тела и Крови Христовы, словом — день воскресный. Сей день надлежало избрать и для того, чтобы иметь более полное собрание церковное, которое не могло быть одинаково полно во дни неспражничные. Посему вероятно, что мы теперь избрание двенадцатаго Апостола вспомняли в тот самый день, в который оно совершилось.

Слова, которыми Апостол Петр предложил о избрании двенадцатаго Апостола, возбуждают особенное внимание и размышление. Он говорил: *подобает убо от сходящихся с нами мужей во всяко лето, в неже вниде и изыде в нас Господь Иисус, начен от крещения Иоаннова даже до дне, в онъже вознесся на небо от нас, свидетелю воскресения Его быти с нами единому от сих* (Деян. I. 21. 22).

Требуется человек, который вместе с Апостолами следовал за Господом Иисусом, во все годы торжественнаго на земли служения Его спасению рода человеческого, от дня крещения его во Иордане до дня вознесения Его на небо. Такой человек назначается, вместе с прочими Апостолами, *быть свидетелем*. Чего? Не того ли, что он видел во все сии годы? Крещения, в котором Иисус Богочеловек открыт и свидетельствован небесным гласом Бога Отца и

сошествием Святого Духа? Учения, которое Он потом преподавал? Чудес, которые Он сотворил? Пророчеств, которыми проявил Свое Божеское всеведение? Царского входа Его в Иерусалим? Его страданий и смерти? Его славного вознесения на небо? Не то говорит святой Петр. Он требует очевидца всех сих дел и событий; но, мимо сих дел и событий, назначает избираемому, равно как и себе и прочим Апостолам, один только предмет свидетельства: *свидетелю воскресения Его быти с нами.*

Здесь размышляющему представляется вопрос: почему святой Петр поставляет себя и прочих Апостолов свидетелями только воскресения Христова, когда они могли и должны были свидетельствовать не о сем только, но и о всем житии, деяниях и учении Христа Спасителя, без чего и не могло быть полно и удостоверительно свидетельство о Его воскресении? Это не вопрос любопытства, но путь к наставлению.

Святой Петр признает потребность Апостольского свидетельства не об одном воскресении Христа Спасителя, но и о всем Его житии, деяниях и учении. Сие видно из того, что он для Апостольского служения ищет очевидца Христова жития от крещения до вознесения на небо. Из сего надлежит заключить, что святой Петр, называя Апостолов *свидетелями воскресения Христова*, не думал устранить другие предметы Апостольского свидетельства, но только для краткости наименовал один из них, подразумевая и другие, с ним связанные: преимущественно же указал он на воскресение Христово, конечно потому, что свидетельство о сем было для Апостолов предметом особенного внимания и подвига.

Утверждение веры в воскресение Христово есть дело великой важности для Христианства и для христианина.

Главная сила Христианства состоит в том, чтобы признать Господа Иисуса Спасителем мира, согрешившего против Бога, и Богом осужденного на смерть. А чтобы с полною надеждою признать в Нем сие могущественное качество, для сего нужно совершенное удостоверение, что Он есть Единородный Сын Божий и истинный Бог: потому что хорошо сказано, хотя и не хорошими людьми сказано: *кто может оставлять грехи, токмо един Бог* (Лук. V. 21)? Только Милосердие Бога Сына может представить достойное удовлетворение оскорбленному величеству и правосудию Бога Отца; только Бог может возвратить жизнь осужденным на смерть Богом.

Но сильнейшее удостоверение о Божестве Иисуса Христа заключается в Его воскресении. Сию мысль подал он Сам. Когда иудеи, удивленные необычайною властью, которую показал Он, изгоняя из храма продающих и купующих, спросили Его: *кое знамение являеши нам, яко сия твориши?* то-есть, каким чудом докажешь, что Бог дал тебе власть над храмом Своим? — тогда Он, преимущественно пред другими чудесами Своими, указал на чудо Своего воскресения. И рече им: *разорите церковь сию и трети денми воздвигну ю* (Иоанн. II. 18. 19), то-есть, в третий день воскресну. В самом деле, чудеса, которыя творил Господь Иисус во время земной жизни Своей над другими, даже и самое дивное из них, воскрешение мертвых, творили и Пророки, хотя не с таким полномочием, как Он. Так Илия молился: *Господи Боже мой, да возвратится убо душа отрочища сего в он* (3. Царств. XVII. 21): но Иисус повелевал: *Лазаре, гряди вон* (Иоанн. XI. 43) из гроба. Однако сего различия иные могли не заметить, и потому могли познать в Иисусе Пророка и посланника Божия и еще не познать в Нем Единородного Сына Божия. Но никогда не было, и не можно представить возможным того, чтобы человек воскресил сам себя: и потому самовоскресением Господа Иисуса дано совершеннейшее удостоверение в том, что Он есть истинный Бог, владычествующий жизнью и смертью, и Божественный Спаситель, имеющий могущество воскресить всех человеков, умерщвленных прегрешеньми.

Слава и благодарение воскресшему Христу Богу нашему, что Он Свое спасительное воскресение явил нам очевиднейшим образом, и дал оному достовернейших свидетелей! В самый день Своего воскресения Он явился Марии Магдалине и другим мироносицам, явился Апостолу Петру, явился двум ученикам на пути в Еммаус, наконец явился десяти Апостолам; потом, чрез восемь дней, явился всем Апостолам, для уверения Фомы о Своем воскресении; потом явился собранию более пяти сот человек, потом Иакову, еще семи Апостолам на море Тивериадском, еще всем Апостолам, чтобы соделать их очевидцами и Своего славного вознесения на небо, и наконец из отверзтаго неба явился гонителю Своих учеников Савлу, чтобы соделать его Павлом Апостолом. Что может быть удостоверительнее, когда враг Христа убежден быть свидетелем воскресения Христова? Что может быть удостоверительнее, когда все Апостолы страждут и умирают от гонителей за проповедь о воскресении Христовом, и среди смертных мучений не престают проповедовать Христа

воскресшаго? Слава утвердившему Своим воскресением Свою Веру и Свою Церковь!

Не остановимся на сем, братия христиане, и приблизим свидетельство воскресения Христова к себе, все вообще, и каждый лично. Апостол пишет: *Христос воста от мертвых, начаток умершим бысть* (1 Кор. XV. 20). То-есть, воскресение Христово есть начало воскресения всех умерших человеков, — воскресения уже не в жизнь временную, как было воскресение Лазаря и других прежде его, но в вечную. До воскресения Христова ходили между людьми темная и нетвердая мнения о бессмертии души человеческой: но о воскресении души с телом всего менее думали даже те, которые более других усиливались мыслить. Не светел был и взор избранного народа на сей предмет. Когда Христос Спаситель, обличая Саддукеев, в наименовании Бога Авраамова, Исаакова и Иаковлева открыл мысль о воскресении мертвых: тогда не только Саддукеи, но и лучше их мыслящие поражены были новостью сего открытия: *слышавше народи, дивляхуся о учении Его* (Матф. XXII. 32. 33). А чем менее знали будущую жизнь, тем конечно менее умели и менее имели побуждения приготовляться к ней. Христос Спаситель, чрез Свое учение, на место шатких мнений о бессмертии, поставил твердую истину воскресения, и, чрез Свое воскресение, соделал сию истину даже опытною. Он учил: *грядет час, в оньже вси сущии во гробех услышат глас Сына Божия, и изыдут сотворшии благая в воскрешение живота, а сотворшии злая в воскрешение суда* (Иоан, V. 28. 29). Дополняет Апостол: *да примет кийждо, яже с телом содела, или блага, или зла* (2 Кор. V. 10).

Можно ли не видеть великой важности сего учения? — Ты воскреснешь, не просто, чтобы жить, но чтобы по суду того, что ты делал во временной жизни, получить, или вечно блаженную жизнь, или не умирающую, вечно мучительную смерть. Не должно ли каждому из нас помышлять о сем каждый день и устроить свои дела так, чтобы они вели к воскрешению жизни, а не к воскрешению осуждения? Ты воскреснешь, чтобы получить то, что делал с телом, злое или доброе. Не должно ли посему внимательно блюсти и тело наше, чтобы оно не было орудием зла, греха, нечистоты, и чтобы мы таким образом не готовили его на дрова огню вечному?

Сей храм, посвященный ныне памяти и славе воскресения Христова, благодатию Господа воскресшаго, да будет отныне говорящим свидетелем

воскресения Христова всем входящим в него и молящимся в нем. Да радует он нас верою в Господа воскресшаго; да возбуждает нас к делам правды надеждою воскресения живота; да напоминает нам и страшное воскрешение суда, *да поне страхом* от зла спасемся, и от огня восхищены будем, и в царстве вечного света прославим Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Слово Епископа Митрофана (Зноско-Боровского) Бостонского (+2002г.) в Неделю 7-ю по Пасхе, Св. Отцев 1-га Вселенского Собора (Иоан. XVII, 1-13).

Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа. Я совершил дело, которое Ты поручил мне исполнить.

«Совершил дело». Совершил полным слиянием Своей воли с волей Отца: «Он был послушив Бог-Отцу даже до смерти крестной». Иисусом Христом совершенное дело ясно показывает, что Бог есть Любовь, и что все Его отношения к миру грешному проникнуты духом всепрощающей любви так, что святая воля Божия не желает гибели не только людей, почитающих и боящихся Бога, но и людей по отношению к Богу неблагодарных и даже слепых ненавистников всякой мысли о Боге и о всем Божественном.

«Отче! Соблуди их во имя Твое... чтобы они были едино, как и Мы», – молился Христос перед Своими крестными страданиями. О ком была эта молитва? Об учениках Своих и о всех верующих в Него, как Спасителя мира. Значит, и о нас с вами, дорогие братья и сестры.

В чем же должно выразиться единство чад Божиих, единство христиан? В вере и в жизни, в вере и в любви, в любви к Богу и к человеку. Существовало ли это единство среди христиан, по всему миру рассеянных? Оно всегда было целью, к которой стремился верный Евангельскому учению христианский мир. И это единство было достигнуто в период Вселенских Соборов. Время Вселенских Соборов – это было время, когда неправо верующим, еретикам и сознательным разрушителям христианской веры не было и не могло быть места в Христовой Церкви. Церковь тех веков заключала в себе одних только исповедников истинной апостольской Христовой веры.

С горечью говорим, что ныне нет этого единства. Нет его и в недрах истинной Христовой Церкви. Почему нет? По причине расцерковления христианского общества, которое входит ныне в состав Церкви. Современное христианское общество скорее взволнуется не тем, что в недрах Церкви появится еретик, а тем, что Церковь Христова, эта естественная и полномочная охранительница апостольской веры, исполняя свою священную обязанность, объявит устами своих епископов еретику, разрушителю Церкви, что он не

истинный христианин, и что Церковь, не имея с ним ничего общего, изрыгает его из недр своих.

Ведь в наши дни считают себя христианами, чадами Церкви Христовой те, кто по своему отношению к догматике христианства, к учению о вере и нравственности, естественно выпадают из состава Тела Христова, из состава Церкви. К таким относятся те, которые смотрят на нравственные заповеди Христа с точки зрения их пригодности для современной жизни людей и потому определяют их действительность и обязательность не безусловной Истиной Христова учения, а условиями современной жизни. К таким относятся и те, кто, признавая евангельское учение о нравственности полезным для блага людей, в то же время отрицают догматическое учение Христа, т.е. отрицают евангельское учение о вере. К таким относятся и те, кто, принимая Христово учение о вере и признавая истинным Его учение о нравственности, в то же время полагает, что оно невыполнимо в нынешних условиях, а посему – не обязательно.

Для того, чтобы быть членом Тела Христова – Церкви Его, – дорогие братья и сестры, чтобы быть христианином, необходимо **не только** исповедовать апостольскую веру во Христа, как истинного Спасителя мира, но непременно нужно и жить по Истине апостольской веры. «Теперь живу не я, а живет во мне Христос», говорил о себе Апостол Павел. В этих словах Апостола как бы начертана программа, цель жизни каждого христианина. А для достижения такого состояния требуется **подвиг**, подвиг всей жизни. И этот подвиг, при всей его несомненной тяжести, не может быть непосильным для христианина. Так ли это? – скажете вы. Да, так. Ибо дело спасения человека – это не только личное дело человека, но вместе с тем оно и дело Божие, и совершается оно одновременно, как личными силами человека, ищущаго спасения, так и Божественной помощью Спасителя мира – Христа. Верно, рассуждаете, в настоящей жизни мы не можем сделаться безгрешными. Однако мы можем, по крайней мере, желать не грешить, и можем во всяком случае бороться со грехом. Мы можем и должны судить свои поступки и свою жизнь не по духу времени, а по духу учения Христа.

Идя путем указанных желаний, указанных борьбы с собой и суда над собой в свете Евангелия, мы достигаем не только жизни во Христе, но достигаем и того единства, о котором молился Христос, единства в Нем и со всеми братьями во Христе, в чем да будет помощником нашим наш Ходатай перед Богом, Господь Иисус Христос. Аминь.